

Ближе к закату он сходил в лес и проверил силки, с удивлением обнаруживая в них ещё живого тетерева. Это было очень кстати — Баки забрал добычу, снова налаживая петли и подсыпая чуть крупы для приманки. Когда он вернулся к землянке, то выпустил щенов и лишил тетерева головы прямо над йольским бревном. Птицу пришлось придушить для начала, иначе никак не получалось справиться с ней одной рукой. И любопытные волчата норовили залезть носами под руку с острым лезвием топорика, чтобы понюхать и слизать потёкшую по бревну кровь. Баки не мешал им, смотря заворуженно, как ещё теплые струйки бегут по тёмному стволу, капая на белое, и как щенки, толкаясь худыми боками, торопятся слизать их и едят снег, начиная чихать.

Жертва была принесена. В первый раз в жизни Баки сам занимался этим почётным ритуалом. Он, а не отец и не старший брат. Не было у него ни замка, ни соратников, ни прислужников, ни богатств. Даже доброго коня не было и руки. Но почему-то именно сейчас, глядя на обезглавленного тетерева, на ворчащих волчат и бревно, окроплённое по всем законам свежей кровью на закате, он почувствовал себя хозяином. Хозяином землянки, леса, этих глупых щенков.

И Стива. Не хозяином, но хранителем. Защитником?

Баки долго сидел, думая, и в голове его проносились странные образы. Пока волчата от слизывания крови не решили перейти к самой тушке тетерева. Тогда уже Баки пришлось выбираться из собственных мыслей и спасти свой праздничный ужин.

Ощипанную тушку он как следует присыпал душистой травой изнутри и обмазал хранящейся в большом горшке глиной. И сунул в очаг, рядом с тлеющим концом йольского бревна.

Дни Йоля шли один за другим, мерно, словно по накатанной горке. Баки не был уверен, что правильно соблюдает их, но ведьма не приходила к нему, а внутри так отчётливо, выжидательно всё сильнее, что Баки отчего-то был уверен, что не промахнётся.

Бревно ровно тлело, осыпаясь пеплом и угольками в очаг, и Баки тщательно следил, чтобы оно не разгоралось сильнее, чем нужно. Его должно было хватить до самого тринадцатого дня. Щенки совсем освоились в землянке, и устраивали на груди Стива свои лобастые головы. Баки гонял их, не пуская никуда, только в ноги или под бок. Ему казалось, что даже с такой небольшой тяжестью на груди Стив перестанет дышать.

Перед ночью судьбы Баки напоил Стива последними глотками чуть скисшего, похожего на простоквашу молока. Он подумал, что на этом он прекратит делать странное ведьминское лекарство — больше не было сил заниматься тем, чем он занимался ради его приготовления. Его запястье всё было покрыто тонкими саднящими надрезами, большинство из которых затянулись едва-едва. Хьялги и Хмага по-очереди лизали ему руку, и Баки не знал, помогает ли это. Было больно.

Баки выбрался наружу, чтобы углядеть последние лучи умирающего солнца на верхушках деревьев. Снова тишина пугала и настраивала на торжественный лад. Изредка попискивала на

ели невидимая птичка, и на этом звуки заканчивались. Баки смотрел в сторону, где умирало зимнее солнце. Хьялги вставал на задние лапы и тыкался мокрым носом ему под ладонь, облизывая тёплым языком. И тянущее чувство внутри вдруг стало невыносимым.

— Вернись ко мне, — отчётливо проговорил Баки хриплым голосом. Не с кем ему было разговаривать, кроме как с самим собой да волчатами. Солнце перед его лицом едва розовело за кромкой леса. — Прощу тебя. Неважно, каким. Неважно, как. Вернись ко мне. Потому что я буду с тобой до самого конца. Я не хочу хоронить тебя. И уже не смогу быть один. Я так устал...

Баки осел на снег, упав в него коленями. Пальцами зарылся в волчью шерсть, подминая маленькое тельце в объятии, пока Хьялги жалобно не заскулил. Он выпустил щенка, и тот бросился к шкуре, закрывающей лаз. Оттуда тихо поскуливала Хмага.

Каким жалким стал он сам. Раньше в ночь Судьбы Баки говорил об успешных набегах и походах, которые принесут ещё большую славу и богатство их семье, его отцу и братьям. Он прославлял род Баарнсов в славных кровавых битвах, и хорошо справлялся со своей ролью. Но теперь он просил у умирающего солнца о таком, о чём и мысли раньше не имел. Он был жалок. Однако усталость поглотила его, и только эта мысль стучала в голове молотом по наковальне: — Вернись, вернись, вернись... Я больше не могу один.

Как возрождаться после заката, если никто не ждёт? Но Баки ждал. И говорил об этом даже сидя на коленях в снегу, хриплым шёпотом.

«Вернись, я всем буду для тебя. И всё сделаю для тебя. Не оставлю до самого края времен. Только будь со мной, вернись, вернись...»

Он заварил в талой воде сытную кашу на тетеревиных ножках и крыльях. И оставил её томиться в горшке среди углей и камней очага. Баки загодя прикатил несколько булыжников и оставил их у огня, чтобы те напитались теплом и потом отдавали его всю ночь, когда очаг потухнет. От йольского бревна остался огарок величиной с маленькое полешко. И Баки откатил его из очага, чтобы ещё тлеющие его бока потухли. Он запалит его снова только утром после восхода обновлённого солнца.

Он забрался под шкуры к Стиву так, как все двенадцать ночей Йоля не позволял себе — голым, чтобы греть кожа к коже. Забрался и прижался к худому телу, словно к законному мужу. Обнял рукой, уткнулся носом в шею, лизнул солёную кожу. Стив пах одинаково — пожухлой травой и листьями, которых давно не было на деревьях. Он сам был травой и листвой, уснувшей до весны. Волосы его стали совсем жёсткими, как солома. Губы ссохлись, хоть Баки нередко поил Стива талой водой и смазывал губы жиром. Баки не удержался и целомудренно, но не торопясь отстраняться, прижался губами к губам.

— Я рядом. И я жду тебя. До самого конца, — тихо сказал он. Лёг, положив голову на шкуру. В ногах завозились, заворчали волчата. Очаг почти погас, тлели последние головешки. Становилось всё темнее и холоднее внутри землянки, Баки чувствовал при каждом вдохе, как остывает воздух. Но он только нахмурился и упрямо притянул тело Стива поближе к себе

единственной рукой. Пока он жив, никто не замёрзнет на его ложе.

Он закрыл глаза и думал, что не верит. Завтра, когда он проснётся, всё будет так же, как и вчера. Как двенадцать дней назад. Не бывает чудес. Не поднимаются от тяжёлой болезни полуживые друиды. И рано или поздно, ему придётся завернуть его тело в рваное полотно, сложить костёр и отправить к предкам, во владения богини Дану. Как бы ни тешил он себя другими мыслями и дурными надеждами.

Кожа под его пальцами была тёплая, а сердце билось медленно, но отчётливо и упрямо.

*

— Ты бороду отрастил, — было первое, что услышал Баки спустя чёрную вечность. Сиплое, такое и различить-то сложно. А он различил. Глаза распахнул и уставился — в лицо Стива напротив, глаза открытые, голубые, как ручьи талых вод, и чуть мутные после болезни, словно вода эта подёрнулась ледком. А на собственном лице, на щеке, запутавшиеся в жёстких волосах — чужие пальцы.

Сердце оборвалось, а потом понеслось стремглав.

— Стив, — прошелестел собственный голос.

Друид не улыбнулся. Может быть, на это просто не было сил. Но словно добрый дух пролетел рядом и тронул его губы. Баки почувствовал всем сердцем.

Стив вдохнул, прикрыв глаза и чуть нахмурившись. И выдохнул облачко пара. Снова посмотрел на Баки, вцепившись пальцами в бороду:

— Холодно...

Баки не выдержал и улыбнулся. Счастливо. Взял Стива за руку, расцепил сведённые пальцы, выпутал свою бороду. И поцеловал в ладонь и запястье. И снова. И ещё, пока Стив, едва двигая пальцами, пытался погладить его губы.

— Сейчас будет тепло, — пообещал он, намереваясь разжечь такой огонь в очаге, чтобы снег вокруг землянки растаял. — Йоль закончился. Скоро весна.

<http://erolate.com/book/3459/83633>